

First International Conference of the Medieval History of the Eurasian Steppe

Szeged, 11–16 May 2004

The Department of Medieval History at the University of Szeged organized conferences in 1997, 2000, and 2002 on the history of medieval nomads of the Eurasian steppe in Szeged. The proceedings of these conferences were published in Hungarian.¹ The Department of Medieval History at the University of Szeged and the Research Group of Hungarian Prehistory of the Regional Committee of the Hungarian Academy of Sciences in Szeged convened a symposium entitled *The First International Conference of Medieval History of the Eurasian Steppe* in May 2004 in Szeged. The items under discussion included the economic, social, political, cultural and religious life of the medieval nomads of Eurasia and their contacts with neighboring sedentary civilizations. The organizing committee consisted of István Zimonyi (president), László Balogh, Szilvia Kovács, Szabolcs Polgár, and Anikó Seres (secretary).

The participants of the conference convened at Szeged on 11 May and met at a welcome party in the evening. On 12 May, the official program of the conference was opened by László Koszta, Deputy Dean of the Faculty of Arts. Thirty papers were delivered during the three days of the conference. Representatives of Sino-logy, Mongolian studies, Turcology, Arabistics, Iranistics, Classical Philology, Slavistics, Archeology, and History attended the conference from seven countries. On the last day the participants took part in an excursion to the National Historical Memorial Park at Ópusztaszer.

---

¹ *A Kárpát-medence és a steppe*. [Carpathian Basin and the Eurasian steppe] ed. A. Márton, Magyar Őstörténeti Könyvtár 14, Budapest 2001; *Nomád népvándorlások, magyar honfoglalás*. [Nomadic Migrations, Hungarian Conquest] ed. Sz. Felföldi–B. Sinkovics, Magyar Őstörténeti Könyvtár 15, Budapest 2001; *Fegyveres nomádok, nomád fegyverek*. [Armed Nomads, Nomadic Arms] ed. L. Balogh–L. Keller, Magyar Őstörténeti Könyvtár 21, Budapest 2004.

Professor István Vásáry, the editor-in-chief of the *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, offered to publish the material from the conference in the 2005 volume of the international journal for Oriental Studies of the Hungarian Academy of Sciences.

The following articles have been submitted to the *Acta Orientalia*:

Denis Sinor, Reflections on the History and Historiography of the Nomad Empires of Central Eurasia

David Wright, Nomadic Power, Sedentary Security and the Crossbow

Hansgerd Göckenjan, Bogen, Pfeil und Köcher in der Herrschafts- und Rechtssymbolik der eurasischen Steppenvölker

István Zimonyi, Nomadic Factor in the Medieval History of Europe

R. D. Goldina, E. M. Chernykh, Forest and Steppe: Dialogue of Cultures (On Archaeological Materials of Prikamye)

Denis Chernienko, The Rulers of European Nomads and Early Medieval Byzantine Historiography

Tibor Schäfer, Der Hunnename als politisches Programm

Nikolay N. Kradin, From Tribal Confederation to Empire: Jou-jan Society Evolution

Michael R. Drompp, Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (Sixth to Ninth Centuries)

J. S. Khudjakov, Armament of Mountain Altai Nomads in the First Half of the First Millennium AD

Johannes Gießauf, Der Feind in meinem Bett. Frauen und Steppennomaden in den Quellen des europäischen Mittelalters

Katalin Nagy, The Arms of the Avar Heavy Cavalry in Written and Archaeological Sources and Pictorial Representations

Mihály Dobrovits, The Great Western Campaign of the Eastern Turks (711–714)

László Balogh, Some Notes on the Western Turks in the Work of Theophanes Confessor

Szabolcs Polgár, A Contribution to the History of the Khazar Military Organization: the Strengthening of the Camp

Kornél Nagy, Seawardik' People in Armenia: an Attempt to Identify an Armeno-Greek Ethnonym

Jean-Charles Ducène, Le commerce des fourrures entre l'Europe orientale et le Moyen-Orient à l'époque médiévale (IXe–XIIIe siècle): pour une perspective historique

S. G. Klyashtornyj, The Polovcian Problem (II): Qipčaq, Cumans, Polovcians

Szilvia Kovács, Borcz, a Cuman Chief in the Thirteenth Century

A. Sh. Kadyrbaev, The Turks – Kipchaks, Kanglis, Uighurs in the History of Mongols

Ágnes Birtalan, Mongolian Great Khans in Mongolian Mythology and Folklore

Tatyana D. Skrynnikova, Bogol – the Category of Submission

István Vásáry, Orda and/or Toqa-temür? Jochi's Lineage in the Blue Horde

Mária Ivanics, Die Volksnamen von Ost- und Südosteuropas in den Quellen der Goldene Horde

Iliia Zaytsev, On the History of the Golden Horde Diplomatic Ceremonial (The Origin of the Word koreš in Russian argot)

Arslanova Alsu, From the History of Interrelations of the Ulus of Djochi with Uluses of the Il-Khans and the Chaghatayids

Дмитрий Д. Васильев, Ареальный аспект «руноподобной» письменной культуры кочевников Евразии

The abstracts of those who did not send their articles or could not attend the conference (A. Ju. Borisenko, Isenbike Togan and Vadim Trepavlov) are published below:

A. Yu. Borisenko, *Pictures of warriors from metal wares of Central Asian nomads in the early Middle Ages*

When Turkic-speaking tribes settled the territory of Central Asia in the early Middle Ages, they brought their own culture to this new place. The cultural tradition of the new ethnic group became an example for subordinate tribes of forest and forest-steppe regions to imitate. The situation caused a change in the ideological and aesthetic ideas of Central Asian nomads. Such changes are clearly reflected in the arts and crafts, especially in belt ornamentation. Scenes of noble nomads and warriors became major artistic themes.

Decorated metal goods, mainly belt and harness accessories, were some of the most widespread objects of the Ancient Turkic material complex. These objects were adorned with plant motifs, which dominated in the decoration of belt accessories, as well as some humaniform representations, which can be traced back to an Iranian cultural base and were spread to the Ancient Turkic cultures by the Sogdians.

In the Kirghiz culture, belt and harness accessories were decorated, as were bits, stirrups, and feasting ware. During the Chaatas period humaniform representations were widespread. There were images of human masks with slanting eyes, wide-open mouths, moustaches and beards, and wearing pointed hats. The pendants were in the shape of a horse and rider.

In different variants of the Kimak culture we often encounter a rich variety of ornaments such as decorated belts and harness accessories. Human faces – men with moustaches and beards, in pointed hats, represented humaniform themes. Warriors with heavy armament developed independently of Kimak decorative art.

Bronze plaques with nomad images have been found in Zabaikalie, Mongolia, the Sayan-Altai, Central Asia, and, the Urals. Such images of warriors on belt ornaments are an important source for studying nomadic armaments of the early Middle Ages in Central Asia.

István Fodor, *Hungarian–Volga Bulghar contacts*

The beginning of the contacts between the Hungarians and Volga Bulgars was dated to the second half of the eighth century in earlier research. The first tribes of the Bulgars migrated to the Volga–Kama confluence in the middle of the eighth century (Bolšie Tarhany cemetery). The early Hungarians lived east of them in *Magna Hungaria* where western travelers discovered them in the thirteenth century.

Recently it has been accepted that the ancestors of the Volga Bulgars moved to the Volga earlier than this, but they lived around the Samara elbow. Their unearthed cemeteries and habitats there have given evidence of the multiethnic character of the later Volga Bulgars. These groups settled there in the middle of the seventh century. Some of their nomadic communities could reach the Volga–Kama region in summer during their seasonal migration. They occupied the territory of the later Volga Bulgars' country only in the middle of the eighth century as a consequence of the Arab invasions in the 730s.

The early Hungarians migrated from Western Siberia to the region west of the Ural mountains in the middle of the sixth century; their habitat can be identified with the cemeteries of the Kušnarenkovo culture in Bashkiria and Tatarstan. The beginning of the Hungarian–Volga Bulgarian contacts took place in the seventh century. The northern migration of the Bulgars in the 740–750s provoked serious conflicts with the Hungarians, the majority of whom were forced to leave the homeland, from which they moved to the region between the Don and Donec in the territory of the Khazar Khaganate. The latter group conquered the Hungarian plain in 895. A minor group remained in Bashkiria, and their sites can be denoted by the unearthed cemeteries of Bolšie Tigani, Sterlitamak, etc. One of these communities was visited by the Hungarian monk Julianus in 1236.

Márta Font, *Old-Russian principalities and their nomadic neighbors:
Stereotypes of chronicle-texts and the diplomatic practice of princes*

Kievan Rus' and the Old-Russian Principalities had nomadic neighbors throughout their existence. Their relations could be charged by many conflicts, but until the appearance of the Mongols no nomadic tribe constituted a real danger for the Rus' and the Old-Russian Principalities or threatened their political independence. Hence it seems necessary to treat the connections of the nomadic peoples and the Rus' before the Mongol invasion separately from those after it.

The aim of this paper is to analyze this ambivalent relation reflected in the Old Russian chronicles. The *Russian Primary Chronicle* (PVL) recorded the events of the early period, but from the twelfth century onwards the regional chronicles (the Kievan Annals and the Galich-Volkhynian Annals for the southern Principalities; the Blag-Cypg. Annals for the north-eastern Principalities) can be used.

There is a special duality in the chronicles as far as the evaluation of the nomads of the steppe is concerned. On the one hand the negative approach was

based on Christian/non-Christian contradictions, while on the other hand toleration was felt for the nomads in some respects. The reason for this must lie in the interest of the courts of the princes which formed alliances with the nomads. In these cases the Christian chroniclers did not mention that their allies were non-Christians.

Iskender Izmailov, *Mongols in Eastern Europe in 1223*

The paper is based on new archeological material unearthed in the Penza region, which can be identified with the events mentioned in the Muslim sources in connection with the massacre of the Mongol army of Subudey and Djebe by the Volga Bulgars in 1223. The archeological material can provide further information on the Mongol campaign against the Volga Bulgars.

Isenbike Togan, *Some considerations on the socio-political terminology of the early Türks*

Early Türk socio-political terminology is usually derived from the so-called Orkhon Inscriptions. Scholars such as Hilda Ecsedy, however, tried to deal with the terminology as found in Chinese sources. As a follow-up to Ecsedy's work, this paper presents an attempt to understand what is meant by Tang dynasty terminology when dealing with nomadic and tribal populations of the early Türks. Often the contention is made that the Chinese were not precise in recording foreign sounds or in rendering the cultural terminology of foreign cultures.

Here in this paper the argument is just the reverse. At the beginning of the Tang Dynasty, when the *Zhoushu*, *Suishu*, and *Jiu Tangshu* were compiled, Chinese historians as well as Emperor Taizong himself were very much aware of the complexities of nomadic society and used terminology to distinguish the different socio-political formations. In this study the focus is on the term "bulo," usually translated as "tribe" in Western languages.

Вадим В. Трепавлов, *Казыев улус – рудимент кочевой цивилизации на Северном Кавказе*

В третьей четверти XVI в. выходцы из заволжской Большой Ногайской Орды образовали самостоятельное политическое образование Казыев улус (Малые Ногаи). Его основные кочевья его располагались в степном Предкавказье, причем со временем они отодвигались все дальше к западу. Экономика казыевцев базировалась на кочевом скотоводстве и военных набегах в союзе с крымцами или кавказскими владетелями; под Азовом и в Пятигорье обрабатывались небольшие просяные поля. В социально-политическом от-

ношении Казыев улус представлял собой объединение типа составного вожества – совокупность общин, связанных между собой (реально – клановыми узлами, номинально – подчиненностью улусному предводителю-бию). Баландируя между Россией, Кабардой, османами и Крымом, казыевцы были готовы заявить о покорности кому угодно, если это сулило поживу или безопасность; но при изменении политической конъюнктуры они с такой же легкостью отказывались от призрачного «подданства». При этом нарастали междоусобные распри между мирзами, зачатки централизованного управления деградировали. В 1640 г. умер последний малоногоайский бий, и остатки государственной организации сошли на нет. Большинство казыевцев переселилось в Причерноморье на территорию Крымского ханства. История Казыева улуса представляет собой пример вырождения кочевой политической структуры, лишенной земледельческой подпитки, стабильной системы передвижения народа и стад, стройной организации налогообложения и мобилизации ополчения. В целом судьба Малых Ногаев иллюстрирует уход номадов с мировой исторической арены в позднем средневековье.

The participants from Russia sent their articles to the *Acta Orientalia* in English, nonetheless, their original abstracts in Russian are published below:

Дмитрий Д. Васильев, *Ареальный аспект «руноподобной» письменной культуры кочевников Евразии*

Многочисленные новые находки эпиграфических памятников в Южной Сибири, Средней Азии и Восточной Европе привлекли внимание исследователей письменной культуры древних тюрков к проблеме соотношения памятников древнетюркской письменности орхоно-енисейского типа с так называемыми «руноподобными» надписями. Проблема становится настолько актуальной, что даже отодвигает на второй план дискуссии о происхождении тюркского рунического письма. Это объясняется тем, что накапливается значительный новый материал, явно предшествующий (по крайней мере, в Южной Сибири и Средней Азии) прочитанным и этно-исторически атрибутированным руническим текстам. Тем самым, могут быть внесены серьезные коррективы в прежние исследования по генезису, палеографии и датировке даже хорошо изученных вариантов тюркского рунического письма.

Надписи различных регионов имеют в своем репертуаре отдельные знаки, характерные только для данной группы текстов и отсутствующие в орхонских, енисейских, семиреченских, восточно-туркестанских памятниках тюркского рунического письма. Осложняет проблему то обстоятельство, что руноподобные надписи всего евроазиатского ареала их распространения почти во всех случаях не имеют достаточно убедительного прочтения, а дешифровка их письменной системы находится лишь на самой начальной

стадии. Хронологическая же атрибуция (в тех случаях, где она возможна) колеблется у разных исследователей в широком диапазоне от VI до X веков. Прочтение этих текстов затруднено тем, что фонетическое значение большинства знаков этих надписей несопоставимо с древнетюркскими рунами.

В сообщении предлагается опыт сравнительного сопоставления известных к настоящему времени так называемых руноподобных эпиграфических памятников различных регионов и пояснение в ряде случаев их связи с памятниками материальной культуры и локальной этно-исторической ситуацией.

Алсу Арсланова, Из истории взаимоотношений Улуса Джучи с улусами Хулагуидов и Чагатаидов

Чингиз-хан при жизни поделил свою обширную империю – Еке Монгол улус – между четырьмя своими старшими сыновьями – Джучи, Чагатаем, Угедеем и Тулуем. К сожалению, отсутствие точных указаний с его стороны о границах между этими уделами явилось причиной ожесточенных войн. Так, войны золотоордынских ханов и иранских ильханов продолжались на протяжении почти ста лет (1262–1357 гг.). Причинами их явились притязания Джучидов на Арран и Азербайджан как на один из главных узлов торгово-караванных путей между Западом и Востоком, недружественные взаимоотношения Чингизидов друг с другом и т. д. Однако по сути в основе глубоких противоречий лежала ожесточенная борьба за области, очень важные в экономическом и стратегическом отношении.

Известно, что, кроме государства ильханов, у Улуса Джучи имелась напряженность во взаимоотношениях с Улусом Чагатая. Так, например, Берке активно защищал интересы Джучидов в борьбе за власть с потомками Чагатая, вмешивался в дела улусов и Хулагу, и Чагатая. В нарастании почвы для войны особую роль сыграл Алгуй – внук Чагатая и сын Байдара, который всячески восстанавливал Хулагу против Берке. Можно привести примеры взаимных притязаний друг к другу и из опыта других Чингизидов.

Надо отметить, что в XIV в. при чагатаиде Кебеке в Золотой Орде, Чагатайском улусе и в государстве ильханов одновременно была введена аналогичная монетная система. Безусловно, эта система при лучших обстоятельствах могла бы способствовать интенсификации развития торгово-экономических связей между ними, если бы не враждебные отношения между Хулагуидами и Золотой Ордой с одной стороны, и Чагатаидов с Хулагуидами, с другой.

Существенным фактором в острой борьбе между улусами являлось также противостояние сторонников оседлого и военно-кочевого направлений внутри монгольской элиты, расхившейся во взглядах на отношение к завоеванным народам, их экономике и религии. Борьба этих направлений красной нитью проходит через историю Улуса Джучи, государств Хулагуидов и Чагатаидов.

Римма Д. Голдина–Елизавета М. Черных, *Лес и степь: диалог культур (по археологическим материалам Прикамья)*

Одним из мощнейших факторов, стимулирующих прогресс древних обществ, являются контакты между сопредельными историко-культурными и географическими зонами. Общеизвестно, что многие культурные достижения в древности и средневековье к народам лесной зоны пришли от кочевников степей и лесостепей или благодаря их посредничеству.

В эпоху раннего железного века (I тыс. до н.э.) в лесном Прикамье под влиянием степных ираноязычных скифов и сармат появились более совершенные виды наступательного вооружения: бронзовые и железные наконечники стрел, короткие мечи – акинаки; защитные доспехи, новые способы управления конем. Под воздействием степняков в Прикамье сформировался своеобразный звериный стиль, развивались культы огня, солнца, коня. В VI–IV вв. до н.э. весьма ощутимо воздействие на население лесного Прикамья саков Казахстана и Средней Азии. Металлургия Приуралья подпитывалась оловом рудного Алтая (С. В. Кузьминых).

На рубеже эр успешно продолжали развиваться контакты с сарматами. Именно через них в Прикамье поступали украшения, серебряная утварь, монеты, бусы из Византии, Сирии, Египта, Причерноморья, Кавказа. Однако некоторые типы фибул и гривен сарматам Поволжья и Приуралья производило и поставляло мазунинское и бахмутинское население южного Прикамья (М. Г. Мошкова).

В эпоху великого переселения народов зафиксированы не только многочисленные контакты со степняками, но и их прямые включения в массив населения лесного Прикамья. Источники позволяют говорить по меньшей мере о трех волнах внедрения в Прикамье из Причерноморья пришлого гото-славянского населения (Г. И. Матвеева, В. В. Седов). В конце IV в. в Среднем и Верхнем Прикамье с востока появляется значительная группа саргатского населения из лесостепного Зауралья. По-прежнему продолжают контакты с поздними сарматами.

На рубеже I–II тыс. н. э. на исторические судьбы народов лесного Прикамья оказали большое влияние этнические объединения, сложившиеся на пограничье леса и степи – Волжская Болгария и Великая Венгрия.

Александр Кадырбаев, *Дешт-и-Кыпчак накануне нашествия Чингизхана (По материалам Китайских династийных историй)*

Доклад посвящен истории кыпчакских племен (половцев древнерусских летописей, команов византийских и европейских хроник, циньча китайских династийных историй) в 11–13 веках. Доклад основан на оригинальных источниках – разделах «Лечжуань» («Биографий») китайских династийных историй, в первую очередь «Юань-ши» («История династии Юань») и «Синь

Юань-ши» («Новая история Юань»), впервые вводимых в научный оборот. Выдвинуто предположение о прародине кыпчаков на землях современной Внутренней Монголии, откуда они мигрировали в западном направлении вплоть до Паннонии. В поле нашего зрения связи кыпчаков со своими восточными соседями в Центральной Азии и на Дальнем Востоке (взаимоотношения кыпчакских племен с кочевыми государствами найманов и киреитов, чьи правители были знакомы с христианством, монголоязычными кочевниками меркитами и империей чжурчжэней Цзинь, владения которой располагались в северном Китае). На примере кыпчаков исследуется проблема государственности у кочевых народов Евразии. В связи с этим в центре внимания докладчика анализ терминологии, встречающейся в китайских династийных историях для обозначения уровня социальной организации степных народов Евразии, а также дискуссия по этому вопросу, которая возникла в самой средневековой китайской историографии. Наряду с китайскими привлекаются персо-арабоязычные, монгольские, древнерусские, западноевропейские письменные источники. Китайские источники дают дополнительный материал о той важной роли в повороте исторических судеб оседлых и степных народов Евразии, какую сыграли, подобно своим более ранним тюркским предшественникам, кыпчаки-половцы, чьими прямыми потомками ныне являются тюркские народы России, Центральной Азии и Украины, не говоря уже о том, что в венгерском, русском и во многих других народах Евразии весома кыпчакская струя.

Татьяна Д. Скрынникова, *Категория господства / подчинения – богол*

Сложение кочевого ядра Монгольской империи характеризуется тем, что в этот процесс вовлекались народы разной этнической принадлежности. Рассматриваемый нами период – постоянного переструктурирования социально-политических объединений – требовал столь же регулярного осмысления (констатации) и пересмотра границ своей общности. Моделируемые властной элитой границы общностей становятся эффективными механизмами конкретной социальной практики, регламентирующими принципы взаимоотношений групп (этносов, политий, союзов, конфедераций), носящих нестабильный изменчивый характер вследствие специфики кочевых обществ.

Одним из терминов, маркирующих определенный уровень идентичности, является термин *богол*, который переводится, как правило, как “раб, рабы” и, соответственно, этот перевод в значительной части определяет интерпретацию социальной структуры монгольского общества (часто исследователями по истории Монгольской империи *рабы* отмечаются как *социальная группа* в границах рода или племени), и шире – типологические исследования кочевых обществ.

Рассмотренные словосочетания, в которых употребляется термин *богол* – *отоле богол*, *унаган богол* и *отеку богол* – позволяют прийти к выводу, что термин *богол* маркирует не единицу классовой структуры, а моделирует отношения в формирующейся потестарно-политической организации, указывая на характер отношений между социально-политическими объединениями. Эта категория выступает в качестве части механизма социально-политической интеграции, фиксирует изменения, произошедшие в процессе завоевания и требующие включения новых структур и перекодировки старых, участвует в моделировании новой структуры, обеспечивая сохранение целостности общественного организма: констатируется формирование общественных отношений на новом уровне – сложение надплеменной, надлокальной социально-политической структуры, тяготеющей к универсализации мироустройства.

Мне хотелось показать, что термин *богол*, который со времен Б. Я. Владимирцова интерпретировался как маркер зависимости (раб), личной или групповой несвободы, на самом деле отмечал лишь включение группы в структуру империи и ее подчиненное положение по отношению к правящему роду Чингис-хана.

Илья Зайцев, Средневековая крымско-татарская письменная культура: золотоордынские традиции, османское влияние, репертуар сочинений

Доклад основан на крымско-татарских рукописных материалах Отдела редких книг и рукописей библиотеки МГУ, Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН, Бахчисарайского собрания РНБ (сохранившего часть библиотеки крымских ханов), коллекций ЦНБ Украины, Национальной библиотеки Франции (Bibliothèque Nationale, Paris), ряда турецких хранилищ. Можно выделить несколько путей пополнения книжного собрания крымских ханов. Во-первых, часть рукописей библиотеки происходила еще из коллекции ханов Золотой Орды (вероятно, были среди них и рукописи в уйгурской графике). Во-вторых, это книжный рынок полуострова, постоянная переписка книг на арабском, тюркских и персидском языках в самом Крыму (в том числе, в ханском скриптории). Крымские писцы работали и в других странах: в Османской империи и Московском государстве. В-третьих, поступления рукописных книг из Османской империи (переписанных в разных ее частях – вплоть до Египта и Сирии), в том числе из личной библиотеки османских султанов (в Бахчисарайском собрании РНБ имеются рукописи из султанской коллекции), а также из Ирана, Средней Азии, Казанского и Астраханского ханств. Сами крымские ханы не только были грамотны, но многие писали стихи. Основной репертуар крымско-татарской книжной продукции средневековья: фикх, грамматика арабского языка, всемирная и крымская история, изящная литература на фарси, арабском и

тюркских языках. В XV и начале XVI вв. крымская рукописная традиция еще вполне своеобразна, но уже начиная с 20-х гг. XVI в., и канцелярия и книжный рынок начинают активно османизироваться. Несмотря на то, что крымские рукописи, рассеянные по разным собраниям, претерпели сильнейшее османское влияние в приемах оформления, автор делает попытку выделить своеобразие и характерные особенности крымско-татарской книжной рукописной продукции периода средневековья.

SZILVIA KOVÁCS